

Саша Чёрный

Буба

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Буба

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986874

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Вот так, в метро, никому не расскажешь. Потому что свое, кровное. В своей семье посторонний третийский судья не требуется.

Но на первой зеленой подстилке, когда в воскресенье с приятелем, с закуской и зубровкой, занесет тебя весенний ветер в Медонский лес, бес откровенности толкнет человека под ребро – и покатишься... Хоть без зубровки, конечно, никакой бес ничего не сделает...»

Саша Чёрный

Буба

Вот так, в метро, никому не расскажешь. Потому что свое кровное. В своей семье посторонний третейский судья не требуется.

Но на первой зеленой подстилке, когда в воскресенье с приятелем, с закуской и зубровкой, занесет тебя весенний ветер в Медонский лес, бес откровенности толкнет человека под ребро – и покатишься... Хоть без зубровки, конечно, никакой бес ничего не сделает.

И вообще, г-н Глушков разговаривал как бы сам с собой. В своем случае разбирался и в таких же соседских. А кому он жаловался – приятелю ли, лежавшему рядом, очками кверху, с травинкой во рту, пожилому ли каштану, подымавшему над головой толстые почки, либо пустой бутылке из-под зубровки, блестящей у канавки, – г-н Глушков об этом не думал. Подводил итог, а в паузах морщился, как бы сплевывая с языка душевную полынь.

* * *

– Буба она называется, племянница моя. Хотя мы с женой, оба бесплодные смоковницы, имели все основания, взрастив сей парижско-русский продукт, считать ее своей доч-

кой... Буба... Почему она себе такую попугайскую кличку пришила, не могу понять. По метрике она Любовь. Люба, Любаша – сочное православное имя. Должно быть, для афиши. Когда она в балетные звезды выйдет, круче в нос ударит... Ну, уж назовись Лианой, Вервеной... Покудрявее. Нет-с, Буба. Игры фантазии на три копейки. Какой-нибудь португальский брандахлыст, что с ней фокстротные вензеля выводит, языком щелкнул: «Буба! Ком сэ жоли», – и конечно. А мнение дяди – коту под стол да ножкой в угол, подальше...

* * *

Лет до четырнадцати был у нее свой рисунок, даже лицей не перемолол. Русская пышка, ласковый зверек. Варенье обожала, дядю с теткой любила, все как по детской простоте полагается. Одевали мы ее чистенько. Перед зеркалом скорым петушком попрыгает, каждому бантику улыбнется. В облизанную стильность ее не бросало, что к личику, то и модно. Щечки в ямках, ногти в заусенцах, душа – розовый ситчик. Русская девочка, и больше ничего. А с пятнадцати лет пошло...

Проболтался я как-то месяца два по делам в Гренобле. Вернулся, так и присел: разменяло себя мое русское золото на конфетную бумажку. Темные волоски будто корова языком склеила, головка мертвым яичком, ямки черт унес, в

глазах этакая манекенная стертость. И платьице новое с во-
ображением – внизу тюльпан, вверху лысая рюмка. В кутюр-
ных прејскурантах видали? Лицо, так сказать, второстепен-
ная подробность к модному покрою... Мизинчики на отле-
те, поворот плеча в брезгливую покатость, – то ли горнич-
ная, то ли герцогиня Дармштадтская, – все на один лад, как
солдатики из картона... Это в пятнадцать-то лет по такому
компасу равняться?

Бросился я к жене: как же это ты, слабохарактерная жен-
щина, таким вещам потокаешь?

А что ж, говорит, делать. Девочки – обезьянки. Париж-
ский воздух... Тут иная каплюшка в четыре года в Люксем-
бургском саду таким дамским лилипутом выступает, что и
сама не знаешь – ахать или плевать. А Любе в Европе жить,
пусть уж мимикрию эту безболезненно себе прививает. Ей
же потом легче будет.

Нашел я союзника, действительно.

* * *

Вижу я, во внутреннем департаменте червоточина обна-
ружилась. «Записки охотника» в ванной в углу валяются.
Еще слава богу, что в ванной... Журнальчики, смотрю, у
нее появились парижские: кинематографические Антиной
на всех страницах зрчками вращают, мировых звезд к пи-
джакам прижимают. Пробы блестят, зубы переливаются, и

опять же, как пожарные солдаты, все на один салтык. Только по подписи и узнаешь, кто какого пола. Духовная пицца-с!

Развернул я как-то вечером «Соборян», стал ей вслух отрывок читать. Пять минут вытерпела, потом, вижу, стала зевки, как устрицы, глотать, ножкой о ножку бьет.

– Что ж, скучно, тебе, Люба? Ты не стесняйся.

– Вы, – говорит, – дядя, дусик, не сердитесь. Мы сегодня всей своей компанией в синема идем. «Семьсот поцелуев в минуту» смотреть. А археологию эту я, так и быть, на досуге как-нибудь потом перелистаю.

– Спасибо за одолжение. Что ж, и Татьяна пушкинская тоже, по-твоему, археология?

– Нет, – говорит. – Большой диферанс! Татьяна ваша сама мужчинам на шею вешалась и даже в письменной форме. А как у нее с премьером роман не вышел, она за старого богатого маршала замуж и выскочила. И еще неизвестно, как бы она в Париже развернулась, если бы к нам сюда в эмиграцию попала... Татьяну, – говорит, – вы уж лучше из козырей ваших выкиньте.

Так я и крякнул. Ведь этак, если все классические типы к эмиграции примерять, что ж это будет?.. С женой даже поговориться хотел. Да эта уж... Не поймет.

* * *

А потом вот и пошло балетное это икроверчение. В сту-

дию какую-то раздевально-пластическую записалась. Науки забросила – по физике еле ползает. В котором, говорю, году Расин родился? А она мне еще и дерзит: посмотрите в Ларуссе, если вам приспичило. Сами по-французски дальше молочной ни слова...

Мне, говорю, ни к чему, у меня своих русских мыслей в голове не уложишь. А ты-то как без образования на одних пуантах в свет выпрыгнешь?..

Хохочет... По-французски она, правда, здорово чешет – иной природный француз не поймет, что она с подругами лопочет... Но багаж-то духовный какой-нибудь нужен? Как же в одном голом трико без багажа?

Жена, разумеется, и тут поперек. За что Бубу, мол, мучишь?.. Теперь все девочки через балет в мировую карьеру выходят. Ты что ж, ее в приходские учительницы готовишь? Опоздал, милый. В Европе жить, по-европейски и выть.

И вот-с еще и у себя в квартире терпеть должен. Мало ей студии. В пачки свои дома вырядится, – совсем стрекоза в папиросных бумажках, – и по всему паркету драже свое под граммофон выводит. Посмотришь из-за газеты, сердце так и закипит... Личико – марципан с вишней, интеллигентности ни на полсантима, одной ножкой над головой вертит, другой себя под мышкой подстегивает. Да еще меня, господи помилуй, подставкой быть заставляет...

Собираются у нее подружки всякие востроносенькие, кавалеры – полетки из полотеров. Пожалуйста. Милости просим! Пусть уж лучше дома флиртуют, чем по неизвестным ротондам зеленую слизь сквозь соломинку сосать...

Да и флирта-то никакого нет. Тысячелетиями занятие это держалось, а они вот прекратили. Раздеться не успеют, заведут граммофонного козла и трясутся. Оршаду попьют, отдышаться не успеют и опять под гобойный гнус плечиками трясут до упаду... Чистая маслобойка. И выражение у всех, будто воинскую повинность отбывают.

Присядешь к ним, когда уже совсем упарятся. Поговорить хочется, ведь не ихтиозавр же я, не зубр беловежский. Ни черта не выходит. То ли я к ним ключ потерял, то ли и ключа никакого нет. Лупят что-то свое французское, по глазам вижу – не разговор, а семечки. А Буба губы сожмет и все бровью на дверь показывает: ушли бы, мол, дядя, – и без вас мебели много...

Только тогда сердце и отогреешь, когда они, как дети, порой играть начнут: сядут все на пол, друг за дружкой... руками гребут и хохочут... Какие уж тут, думаю, «Соборяне», хоть искры-то детские в них, слава богу, не погасли...

А время летит. Не успели обои в столовой сменить, как ей шестнадцать стукнуло.

Говорю ей как-то в тихую минуту:

– Что ж, Люба, мечты наши старые? Уставать стал, как самовар несменяемый который год киплю. Мечтал с тобой, помнишь, ферму миниатюрную под Тулузой присмотреть... Переехали бы вдвоем с теткой – райские цветы разводить. Во Франции на цветы спрос, как на картошку. И лирика и польза... Угомонилась бы ты, в зеленую жизнь бы вошла. А там какие-нибудь скорострельные агрономические курсы окончишь, хозяйство бы свое чудесно вела... Что ж, Люба, так уж точку и ставить ради прыжков твоих резиновых? Я ж понимаю, другие ради хлеба завтрашнего ноги себе выламывают, а тебе-то зачем?..

Встала она на носок, вокруг себя трижды спираль обернула, на пол воздушным шаром осела, – головка, как факирская кобра, покачивается, – и прошипела:

– Коров доить? Мне?! Бубе Птифру?.. Комик вы, дядя...

И журналчик какой-то паршивенький из-за пазушки вынула, мне протягивает. Сняли ее там, видите ли... На пензенском вечере за пластику она почетное звание получила: королевой пензенского землячества избрали. Шутка ли: карьера какая...

Ну, понял я окончательно: кто этого яда хлебнул, какая уж там ферма. Пусть сам баб-эль-мандебский раджа белых слонов пришлет – и то не поедет.

С той поры и не заикаюсь. А то, не дай бог, и жена за ней, в пачки нарядившись, начнет паркет натирать. Ничего. Придет мое время... Вот когда тебя балетная поденщина подшибет, когда из пензенских королев в сто двадцать девятый мюзик-холльный сорт попадешь, тогда о дяде и вспомнишь...

Басня-то «Стрекоза и Муравей» недаром написана. Только дядя-то, пожалуй, помягче муравья окажется, когда к нему взамен Бубы Птифру – родная племянница Люба Глушкова соблаговолит личико свое повернуть...